



Информация для цитирования:

Родионов В. А. Монголия и Далай-лама XIV в конце XX — XXI вв. / В. А. Родионов, О. Хатанболд // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 10. — С. 481—496. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-481-496.

Rodionov, V. A., Khatanbold, O. (2024). Mongolia and 14th Dalai Lama in Late 20th and 21st Centuries. *Nauchnyi dialog*, 13 (10): 481-496. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-481-496. (In Russ.).



Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Монголия и Далай-лама XIV в конце XX — XXI вв.

Родионов Владимир Александрович¹
orcid.org/0000-0001-8813-1862
доктор политических наук, доцент,
директор Восточного института,
корреспондирующий автор
rodionovva@bsu.ru

Хатанболд Ойдов²
orcid.org/0000-0001-7867-6850
доктор политических наук,
заведующий отделом политологии
и права, ведущий научный сотрудник
khatanboldo@gmail.com

¹Бурятский государственный
университет имени Доржи Банзарова
(Улан-Удэ, Россия)

²Институт философии
Академии наук Монголии
(Улан-Батор, Монголия)

Благодарности:

Статья подготовлена за счет гранта Российского
научного фонда № 24-48-03022,
проект «Традиционный буддизм,
постсекулярность и современные общественно-
политические процессы в России и Монголии»,
<https://rscf.ru/project/24-48-03022/>

Mongolia and 14th Dalai Lama in Late 20th and 21st Centuries

Vladimir A. Rodionov¹
orcid.org/0000-0001-8813-1862
Doctor of Political, Associate Professor,
Director of the Institute
of Oriental Studies,
corresponding author
rodionovva@bsu.ru

Oidov Khatanbold²
orcid.org/0000-0001-7867-6850
Doctor of Political, Head
of the Department of Political Science
and Law, leading research scientist
khatanboldo@gmail.com

¹Banzarov
Buryat State University
(Ulan-Ude, Russia)

²Institute of Philosophy
of Mongolian Academy of Sciences
(Ulaanbaatar, Mongolia)

Acknowledgments:

The study is supported by Russian Science
Foundation, project number 24-48-03022, project
“Traditional Buddhism, Postsecularity,
and Contemporary Socio-Political Processes
in Russia and Mongolia”,
<https://rscf.ru/project/24-48-03022/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследование посвящено роли института Далай-лам в политическом процессе Монголии как в исторической ретроспективе, так и в рамках текущих событий. Цель статьи заключается в выявлении основных факторов присутствия Далай-ламы в общественно-политической жизни Монголии. В концептуально-методологическом плане исследование опирается на теорию постсекулярного общества. Источниковой базой исследования выступили нормативно-правовые акты Монголии, данные общенациональной переписи, результаты социологических опросов, публикации монгольских, российских, западных СМИ, в той или иной степени затрагивающих отношения государства, общества и религии. Авторы исходят из того, что современная Монголия представляет собой яркий пример постсекулярного общества. Отмечается, что отказ от политики государственного атеизма и феномен «буддийского возрождения» определили высокую степень переплетения религиозных и нерелигиозных институтов. Фигура Далай-ламы XIV рассматривается как один из важных участников этих процессов. Установлено, что основными факторами вовлечения Далай-ламы в общественно-политические процессы Монголии являются его высокий религиозный авторитет среди верующих, легитимация монгольских перерожденцев, образ «демократического лидера». К факторам, сдерживающим влияние Далай-ламы, отнесены значительный сегмент нерелигиозно настроенных граждан Монголии, риски ухудшения отношений с КНР, тенденции национализации буддийской сангхи Монголии.

Ключевые слова:

Далай-лама; Монголия; буддизм; политический процесс; постсекулярность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study explores the role of the Dalai Lama institution in the political processes of Mongolia, both from a historical perspective and in the context of contemporary events. The aim of the article is to identify the key factors influencing the presence of the Dalai Lama in Mongolia's socio-political life. Conceptually and methodologically, the research relies on the theory of post-secular society. The sources for this study include legal documents from Mongolia, data from national censuses, results from sociological surveys, and publications from Mongolian, Russian, and Western media that address the relationships between state, society, and religion. The authors argue that modern Mongolia exemplifies a post-secular society. It is noted that the abandonment of state atheism and the phenomenon of "Buddhist revival" have led to a significant intertwining of religious and secular institutions. The figure of the 14th Dalai Lama is regarded as a crucial participant in these processes. The study establishes that the main factors contributing to the involvement of the Dalai Lama in Mongolia's socio-political processes include his high religious authority among believers, the legitimization of Mongolian reincarnations, and his image as a "democratic leader." Factors that restrain the influence of the Dalai Lama include a significant segment of non-religious citizens in Mongolia, risks of deteriorating relations with the People's Republic of China, and trends toward the nationalization of Mongolia's Buddhist sangha.

Key words:

Dalai Lama; Mongolia; Buddhism; political process; post-secularity.



УДК 94(517.3)“1990/2024”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-481-496

Научная специальность ВАК
5.6.2. Всеобщая история
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Монголия и Далай-лама XIV в конце XX — XXI вв.

© Родионов В. В., Хатанболд О., 2024

1. Введение = Introduction

Процесс, именуемый десекуляризацией, то есть снижение роли светских идей и институтов при одновременном увеличении роли религии в общественной жизни, является одной из самых заметных тенденций развития мира в первой четверти XXI века. Многие государства, несмотря на закрепленные в национальном законодательстве нормы светского характера, не могут не учитывать возросший интерес населения к религии. С одной стороны, религия используется в качестве инструмента для достижения политических целей, в том числе на международной арене. Созданный по инициативе США в феврале 2020 года «Международный альянс религиозной свободы» — один из таких примеров последних лет. С другой стороны, религиозные институты из объектов политики государства становятся все более активными субъектами политического процесса. По словам Д. Узланера, «религиозный фактор из элемента “надстройки” все отчетливее превращается в один из несущих элементов структуры современного общества» [Узланер, 2019]. Особенно заметна данная тенденция в странах постсоциалистического пространства, до недавнего времени придерживавшихся политики государственного атеизма. Достаточно вспомнить активное участие католической церкви в консервативном политическом движении в Польше или печально известные события, связанные с расколом православия на Украине.

Отдельный случай представляет собой Монголия. Если в восточноевропейских государствах, а также в постсоветской России речь идет прежде всего об увеличении роли и влияния христианских церквей, то в Монголии, первой постсоциалистической стране в Азии, имеет место феномен «буддийского возрождения», во многом ставшего реакцией общества на крах идеи атеистического строя. Особое место в этом процессе занимает фигура Далай-ламы XIV, являющегося главой школы гелуг — ведущей буддийской



традиции в Монголии. Принимая во внимание религиозные связи Монголии с другими странами, фактор буддийской религии и Далай-ламы XIV зачастую выходит за рамки внутримонгольского политического процесса. Настоящая статья призвана дать ответы на вопросы о том, как именно буддийский иерарх оказывает влияние на общественно-политическую жизнь Монголии и почему такое стало возможно в формально светском государстве.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В концептуальном плане исследование основывается на теории постсекулярного общества, которая концентрируется на вопросах сосуществования и взаимовлияния религиозных и нерелигиозных институтов. Значимым постулатом данной теории является отказ от противопоставления религиозного и нерелигиозного как неспособных к сосуществованию явлений. В ситуации постсекуляризма игнорирование религии становится недалновидным и даже опасным для политических сил, ведущих борьбу за власть. При этом речь может идти не столько о возвращении общества к моделям досекулярной эпохи, сколько о появлении своеобразных гибридов из светских и религиозных институтов.

Источниковая база исследования может быть подразделена на несколько групп. К первой относятся законодательные акты Монголии, регламентирующие религиозные отношения: Конституция МНР (принята в 1924 году), действующая Конституция Монголии (принята в 1992 году), Закон, регулирующий отношения между государством и церковью, Концепция национальной безопасности Монголии. Анализ этих документов позволяет выявить историческую динамику отношения государства к религиозным институтам. Вторая группа представлена данными общенациональной переписи Монголии 2020 года, а также материалами социологических опросов, в которых фиксируются цифры, отражающие отношение к религии населения страны. Третья группа сформирована материалами из массмедиа Монголии, России и других стран, затрагивающих тему буддизма и Далай-ламы XIV. Особенностью данной группы источников является их тематическое разнообразие и порой противоречивое по содержанию наполнение, что позволяет понять идейные предпочтения авторов материалов.

Среди исследований, затрагивающих различные аспекты настоящей тематики, можно выделить работы таких российских авторов, как Л. Л. Абаева [Абаева, 2021], Ц. П. Ванчикова [Ванчикова и др., 2018], С. Л. Кузьмин [Кузьмин, 2011], Е. А. Островская [Островская, 2009], Ю. П. Помелова [Помелова, 2019], В. А. Родионов [Родионов, 2013; Родионов, 2023], Р. Т. Сабиров [Сабиров, 2012; Сабиров, 2022], Т. Д. Скрынникова [Скрынникова, 1988]. Основной акцент в рассматриваемых работах

делается на выявлении связи между историческими сюжетами и современными процессами в монгольском и тибетском буддизме. Фокус исследований монгольских и западных исследователей (Ш. Догмийчойдон [Догмийчойдон, 2003], Б. Сэржав [Сэржав, 2019], С. Цэдэндамба [Цэдэндамба, 2017], J. Dirkies [Dirkies, 2016], J. Elverskog [Elverskog, 2006], S. Radchenko [Radchenko, 2016]) преимущественно сосредоточен на вопросе о безопасности Монголии в контексте взаимоотношений с Далай-ламой и КНР.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Монголия и институт Далай-лам: исторический экскурс

Буддизм играл важную роль в политической истории Монголии еще со времен империи XIII века. Модель «духовный наставник — светский правитель» была идеологической основой союза великого хана и императора Юань Хубилая и иерарха тибетской школы сакья Пагба-ламы. Эта модель использовалась и в более поздние времена, когда буддизм становится государственной религией монгольских ханств. Более того, с 1911 по 1924 годы монгольское государство возглавлял буддийский иерарх Богдо-гэгэн VIII (монг. «Светлейший владыка»). В целом, государство и буддийская религия в Монголии многие столетия были если не синонимами, то тесно переплетенными институтами.

С конца XVI века институт Далай-лам, во многом возникший при прямом участии монгольских ханов, стал важнейшим элементом общественно-политической жизни монголов. Именно Далай-ламы возглавляли школу гелуг (в российской традиции известна как «желтошапочники»), ставшую самой влиятельной среди монголов. Далай-лама V положил начало линии особо почитаемых в Монголии религиозных наставников-перерожденцев (тиб. *тулку*, монг. *хубилган*), признав монгольского Джебцзун-Дамба-хутухту Дзанабадзара воплощением буддийского духовного авторитета Таранатхи, жившего в Тибете на рубеже XVI—XVII веков. Западно-монгольская (ойратская) знать, не будучи чингисидской по происхождению, подкрепляла свои претензии на власть через связи с Далай-ламами. В начале XX столетия, когда монголы и тибетцы вышли из состава империи Цин и создали собственные независимые государства, Далай-лама XIII способствовал установлению дипломатических отношений между двумя политическими образованиями, используя свой духовный авторитет среди монголов [Кузьмин, 2011, с. 127].

С началом эпохи революционных преобразований в Монголии (1920—30-е годы) роль Далай-лам, как и в целом буддийской религии, радикально снизилась. Ориентируясь на опыт Советского Союза, Монголия прошла путь от страны с теократическим правлением к социалистической республике с идеологией государственного атеизма. В первой конституции стра-



ны, принятой в 1924 году, церковь отделялась от государства, а религия объявлялась частным делом каждого гражданина [Конституция Монголии, 1924]. В 1928 году было выпущено специальное постановление, запрещающее поиск нового воплощения Богдо-гэгэна (Богдо-гэгэн VIII умер в 1924 году), а связи с Тибетом и двором Далай-ламы стали значительно сокращаться. Тем самым традиция легитимации власти через буддийскую религию прервалась. Массовые репрессии в отношении буддийской сангхи в 1930-е годы на некоторое время свели к нулю какое-либо влияние Далай-лам и других буддийских иерархов.

Однако было бы неверно считать, что на протяжении всего социалистического периода истории Монголии фигура тибетского первосвященника никак не присутствовала в жизни страны. Так, нынешний Далай-лама XIV оказался в гуще монгольской внешней политики в 1979 году, став почетным гостем V Съезда международной неправительственной организации буддистов стран Азии «Азиатская буддийская конференция за мир», проходившего в Улан-Баторе. Политическая подоплека участия тибетского первосвященника просматривалась довольно определенно. Монголо-китайские отношения, равно как и советско-китайские, в то время переживали серьезный кризис. Приграничный конфликт КНР с Вьетнамом в начале 1979 года лишь обострил и без того напряженные отношения между сторонами. На этом фоне приглашение Далай-ламы XIV, находящегося с 1959 года в остром конфликте с китайскими властями, выглядело вызовом и средством давления на Пекин [Родионов, 2023, с. 247]. В то же время всем сторонам этих отношений было понятно, что сфера присутствия тибетского иерарха в общественно-политической жизни МНР предельно лимитирована и полностью определяется политическим руководством страны.

3.2. «Буддийское возрождение» и Далай-лама XIV в 1990—2000-е годы

Начало 1990-х годов принесло коренные перемены в отношении монгольского государства и буддийской религии. Отказ от социалистической модели общественного развития означал в том числе пересмотр политики государственного атеизма. Принятая в 1992 году новая конституция Монголии, сохранив разделение государства и религии (глава I, статья 9, пункт 2), провозгласила свободу вероисповедания (глава II, статья 16, пункт 15), а также запретила дискриминацию по религиозному признаку (глава II, статья 14, пункт 2) [Конституция Монголии, 1992]. При этом, несмотря на объявляемые и закрепленные в конституции страны религиозные свободы и равенство всех религий, государство неоднократно подчеркивало свое особое отношение к буддизму как «национальной традиционной религии» (монг. *үндэсний уламжлалт шашин*). Во-первых, власти вступили в открытый диалог с буддийской церковью, полностью легализовав ее статус и возвратив ей

движимое и недвижимое имущество, конфискованное в эпоху социализма. Во-вторых, особый статус буддизма был прописан в «Законое, регулирующем отношения между государством и церковью». В статье 4 Закона указывается: «Монголия уважает доминирующее положение (монг. *зонхилох байр суурь*) буддизма, обеспечивающего народное единство (монг. *ард түмний эв нэгдэл*) и являющегося частью культурной истории» [Төр, сүм]. Кроме того, в Концепции национальной безопасности Монголии (пункт 3.1.4.7) «возрождение и развитие буддийской религии» называется одной из задач обеспечения цивилизационной безопасности страны [Үндэсний аюулгүй]. В результате Монголия, оставаясь по форме светским государством, на практике продемонстрировала высокую степень вовлеченности в отношения с религией, прежде всего с буддизмом.

Вышеописанные процессы подготовили почву для возвращения фактора Далай-ламы в общественно-политическую жизнь страны. В постсоциалистический период, начиная с 1992 года Далай-лама XIV семь раз посетил Монголию. Люди, тесно связанные с ним, прочно обосновались в Монголии, открывая новые монастыри и иные буддийские религиозные центры. Например, Бакула Ринпоче, в 1990-е годы бывший послом Индии в Монголии, основал в столице страны монастырь Бэтувлин.

Большой интерес монгольского общества к фигуре тибетского первосвященника определен как чисто религиозными, так и нерелигиозными по характеру причинами.

Во-первых, вполне очевидно, что для верующих буддистов Монголии Далай-лама XIV является высшим духовным авторитетом, возглавляющим школу гелуг. Каждый его визит в Монголию вызывает огромный интерес у десятков тысяч граждан Монголии, стремящихся принять участие в молебнах и послушать лекции духовно-религиозного авторитета. Например, в 2016 году его учения в спорткомплексе «Буянт-Ухаа» посетило около 10 000 человек (при вместимости помещения 5000 человек) [Фоторепортаж].

Во-вторых, Далай-лама XIV является ключевым субъектом легитимации монгольских хубилганов-перерожденцев. По данным Р. Т. Сабилова, в 1990—2000-е годы в Монголии насчитывалось около 20 хубилганов, и большинство из них было утверждено Далай-ламой [Сабилов, 2022, с. 116].

Самым известным и резонансным признанием перерожденца в Монголии стал случай с появлением Богдо-гэгэна Х. Перед визитом в Монголию в 2016 году Далай-лама объявил о рождении мальчика, который должен стать новым Богдо-гэгэном. В частности, буддийский первосвященник сообщил, что «...его (Богдо-гэгэна. — В. Р., Х. О.) новое воплощение родилось в Монголии. Однако мальчик сейчас еще очень мал, и нет нужды спешить с обнародованием (его имени). Когда ему исполнится три, четыре



или пять лет, мы посмотрим, как будут обстоять дела. Возвести маленького ребенка на высокий трон — не самое важное. Куда важнее предоставить ему возможность учиться, стать образованным, чтобы он мог вносить свой вклад в процветание буддийской Дхармы» [Перед отлетом в Японию].

Это, на первый взгляд, сугубо сакрально-религиозное действие в Монголии воспринимается и как мера обеспечения национальной безопасности. В соседней с Монголией КНР процесс выявления и признания перерожденцев находится под строгим контролем со стороны государственных и партийных органов [Помелова, 2019, с. 53—57]. Возможное появление в будущем нового («китайского») Далай-ламы, подконтрольного Пекину, дает в руки китайского руководства источник для воздействия на буддийские общины вне Китая, включая монгольскую сангху. В связи с этим своевременное признание Далай-ламой XIV нового Богдо-гэгэна в Монголии многим видится игрой на опережение, способом избежать влияния Китая на религиозную сферу страны. Таким образом, имеет место секьюритизация буддизма, то есть его превращение в один из аспектов национальной безопасности.

В-третьих, несмотря на официальные заявления монгольских властей о сугубо пастырском характере визитов Далай-ламы XIV в Монголию, в самой стране многими они рассматриваются в качестве так называемого «теста на приверженность демократическим ценностям» [Островская, 2009, с. 68]. Монгольская политическая элита видит в демократическом имидже страны важный ресурс для экономического и политического развития Монголии [Родионов, 2013, с. 26—27]. Высказываясь за визиты Далай-ламы в Монголию, многие политики апеллируют к правам верующих как одному из базовых принципов современной либеральной демократии [Батулга, 2017]. В свою очередь, представители западного экспертного сообщества также склонны рассматривать выдачу монгольскими властями въездной визы Далай-ламе как яркое проявление демократичности и независимости Монголии, ее приверженности ценностям прав человека, систематически нарушаемых в Китае [Dierkes, 2016; Radchenko, 2016]. В результате формально «неполитическое» мероприятие на практике становится акцией мягкого протеста против политики КНР в отношении буддийского иерарха и его сторонников. В целом, буддизм и фигура Далай-ламы XIV, имеющего имидж самого демократически настроенного из всех когда-либо существовавших буддийских первосвященников, удобны для легитимации демократического процесса в постсоциалистической Монголии.

3.3. Далай-лама XIV и Монголия на современном этапе

Несмотря на то, что большинство граждан Монголии положительно относятся к многоаспектным связям страны с Далай-ламой XIV, существуют и иные точки зрения на этот вопрос.

Всех критиков условно можно разделить на две группы. Первая группа представлена людьми, апеллирующими к приоритету нерелигиозных интересов Монголии. В частности, публицист и политик Санжаадоржийн Молор-Эрдэнэ, отстаивая светский характер современного монгольского общества, считает недопустимым привнесение религии в политику [Молор-Эрдэнэ, 2016]. Подобные взгляды можно рассматривать как отражение существующих в монгольском обществе ценностей и предпочтений, мало связанных с религией в целом и буддизмом в частности. Достаточно напомнить, что, согласно данным национальной переписи 2020 года, 40,6 % граждан Монголии относят себя к категории «неверующих» [Population and housing census of Mongolia, 2020, p. 61]. Результаты проводимых в Монголии социологических исследований показывают, что большинство монголов не готово принять религию в качестве важного фактора общественно-политического развития страны. Мониторинг общественного мнения демонстрирует высокую степень неприятия монгольским обществом религии в политической и личной жизни. В 2024 году 79,2 % респондентов указали, что в политике роль религии должна быть минимальной или вообще нулевой, а 48,6 % респондентов отводят религии небольшую или никакую роль даже в своей повседневной жизни [Politbarometer, 2024].

Еще один аргумент в пользу дистанцирования Монголии от активных контактов с тибетским первосвященником выражен в опасении ухудшения отношений с КНР. Например, политический обозреватель Цэндийн Энхбат критикует правительство за недальновидную политику в отношении визитов Далай-ламы, приведшую к экономическим проблемам [Энхбат, 2016]. Принимая во внимание тот факт, что на сегодняшний день Китай является основным и ключевым экономическим партнером Монголии (свыше 60 % всей внешней торговли страны приходится на КНР [Монголын гадаад худалдаа, 2023]), данная позиция имеет под собой серьезные основания.

Для китайского руководства любое посещение тибетским иерархом какой-либо страны, с которой у Пекина есть официальные отношения, воспринимается как недружественный акт и попытка разыграть политическую карту. Позиция китайских властей сводится к тому, что Далай-лама XIV, являясь сепаратистом, стремится заручиться поддержкой извне, посещая различные страны. С одной стороны, официальная позиция Улан-Батора по вопросу о правовом статусе Тибета остается неизменной: Тибетский автономный район является составной и неотъемлемой частью КНР. В то же время различные буддийские общины и организации, имеющие определенное влияние в Монголии, активно выступают за политическое самоопределение Тибета и тем самым формируют соответствующее общественное мнение в монгольском обществе [IUSY World]. В этом свете



визиты Далай-ламы в Монголию придают дополнительный импульс подобным идеям. Свидетельством наличия внимания к визитам Далай-ламы со стороны монгольских политиков являются такие факты, как предоставление ему усиленной охраны (во время его визита в ноябре 2016 года), посещение им государственной резиденции «Их тэнгэр», участие советника президента Монголии в организации визита и программы пребывания в стране [Ванчикова и др., 2018, с. 61]. Все эти факты ставят под сомнение исключительно религиозный характер визитов буддийского иерарха.

КНР, наряду с дипломатическими протестами, использует иные методы и инструменты воздействия на Монголию. В 2016 году в ответ на посещение Далай-ламой Монголии китайская сторона аннулировала ряд визитов монгольских руководителей в Китай. В ходе этих встреч должны были быть обсуждены такие важные вопросы, как получение Монголией льготного кредита со стороны КНР, перспективы строительства медеплавильного предприятия и железной дороги [Мунх-Оргил, 2016]. Кроме того, Пекин изменил правила товарооборота с Монголией, по существу, введя против нее таможенные санкции [Китай ввел ..., 2016].

Как результат 21 декабря 2016 года китайская ежедневная газета «Global Times» со ссылкой на информационное агентство «Синьхуа» сообщила о заявлении министра иностранных дел Монголии Цэндийн Мунх-Оргила, в котором говорилось, что «Монголия в дальнейшем не допустит и не разрешит осуществление визита Далай-ламы в своей стране, даже если он будет носить исключительно религиозный характер» [Mongolia Not ...]. Эти слова, безусловно, стали свидетельством наметившихся изменений в официальных монголо-китайских отношениях по вопросу о визитах Далай-ламы: за прошедшие с тех пор 8 лет Далай-лама XIV больше не посещал Монголию.

Представители второй группы, главным образом монгольские ламы, делают упор на идею отдельного, независимого от иностранцев (в том числе тибетцев) монгольского буддизма. Так, хамбо-лама монастыря «Их хурээ» Зандангийн Сандорж 17 ноября 2016 года накануне очередного визита Далай-ламы собрал пресс-конференцию, на которой осудил намеченное мероприятие, обвинив тибетского иерарха во вмешательстве во внутренние дела Монголии и заявив о необходимости самостоятельного избрания Богдо-гэгэна X [Санждорж, 2016]. Другим примером скептического отношения к связям с Далай-ламой можно считать интервью хамбо-ламы «Манба дацана» Дамдинсурэнгийн Нацагдоржа, в котором он призвал не вмешиваться в религиозную политику Китая для сохранения дружественных отношений с южным соседом [Нацагдорж, 2015].

Данный взгляд, несмотря на часто приписываемые его сторонникам «прокитайские настроения», также отражает наметившуюся тенденцию

в сторону национализации («монголизации») буддизма. Работы известных буддологов и историков буддизма демонстрируют тот факт, что на протяжении большей части XX столетия в Монголии формировались условия для превращения буддизма из транснациональной в национальную религию, см., например: [Elverskog, 2006, p. 29—46]. Как было описано выше, даже на уровне монгольского законодательства буддизм провозглашается традиционной национальной религией страны. Как пишет Р. Т. Сабиров, «у монголов есть все необходимое для развития независимой сангхи» [Сабиров, 2022, с. 125]. Соответственно, остающееся сильным влияние тибетских лам (во главе с Далай-ламой) в постсоциалистической Монголии некоторыми рассматривается в качестве одного из главных препятствий для окончательной национализации буддизма. Иными словами, транснациональный характер многих буддийских институтов вступает в противоречие с принципом автаркии национальной сангхи.

4. Заключение = Conclusions

Прожив опыт теократического правления, а также политики государственного атеизма, Монголия в постсоциалистический период пришла к состоянию постсекулярности. Будучи формально светским государством, современная Монголия являет собой пример сочетания религиозных и нерелигиозных практик и институтов. Возросшая социальная значимость буддизма на рубеже XX—XXI веков объективно способствует его вовлечению в общественно-политический процесс. Особую роль в этом играет фигура Далай-ламы XIV, олицетворяющая собой одновременно фактор восстановления позиций буддизма в стране, источник легитимации хубилганов, принадлежность Монголии к «сообществу демократических стран». Более того, в отдельных случаях при помощи Далай-ламы происходит обеспечение религиозной безопасности страны.

Одновременно с этим постсекулярность монгольского общества проявляется и в дискуссиях по вопросу о роли буддийского первосвященника как во внутренней политике страны, так и в отношениях Монголии с внешним миром. Так, значительный сегмент монгольского общества, являющийся носителем скорее светских (нерелигиозных) ценностей и настроений, выступает фактором ограничения влияния буддизма в целом и Далай-ламы в частности. Также остается актуальной дилемма выбора между экономическими выгодами от сотрудничества с КНР, с одной стороны, и религиозно-политическими интересами, с другой. Наконец, тенденции национализации буддизма в Монголии выступают еще одним источником противоречий по вопросу о роли Далай-ламы в жизни страны. При этом можно предположить, что вероятное снижение роли Далай-ламы в общественно-политическом процессе



Монголии (в свете указанных выше факторов) вряд ли приведет к уменьшению значимости буддийской религии как таковой. С большей долей вероятности увеличится роль иных религиозных акторов и институтов (Богдо-гэгэна X, хубилганов, различных буддийских организаций Монголии).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Китай* ввел таможенные санкции против Монголии после визита Далай-ламы в Улан-Батор [Электронный ресурс] // Newsru.com. — 01.12.2016. — Режим доступа : <http://www.newsru.com/world/01dec2016/mong.html> (дата обращения 12.08.2024).
2. *Конституция* Монголии (основной закон) 13 января 1992 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://worldconstitutions.ru/?p=33> (дата обращения 12.08.2024).
3. *Конституция* Монгольской Народной Республики (основной закон) 26 ноября 1924 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://worldconstitutions.ru/?p=549> (дата обращения 12.08.2024).
4. *МИД* Монголии : визит Далай-ламы не преследует политических целей [Электронный ресурс] // ИА «Regnum». — 22.08.2006. — Режим доступа : <http://www.regnum.ru/news/692299.html> (дата обращения 12.08.2024).
5. *Монголын гадаад худалдаа 2023* [Electronic resource]. — Access mode : https://www.1212.mn/mn/statistic/statcate/573062/table-view/DT_NSO_1400_006V3 (accessed 12.08.2024).
6. *Перед* отлетом в Японию Далай-лама дал пресс-конференцию в Улан-Баторе [Электронный ресурс] // Dalailama.com. — 23.11.2016. — Режим доступа : <https://ru.dalailama.com/news/2016/meeting-with-the-press-before-returning-to-japan> (дата обращения 12.08.2024).
7. *Төр, сүм хийдийн харилцааны тухай* [Electronic resource]. — Access mode : <https://legalinfo.mn/mn/detail/485> (accessed 12.08.2024).
8. *Фоторепортаж* : Далай-лама встретился с тысячами верующих в спорткомплексе в столице Монголии [Электронный ресурс] // centralasia.media. — 22.11.2016. — Режим доступа : <https://centralasia.media/print:1345729> (дата обращения 12.08.2024).
9. *IUSY World Congress' Resolution Reaffirms Tibet as an Independent State* [Electronic resource] // Phayul.com. — 29.01.2008. — Access mode : <http://www.phayul.com/2008/01/29/19151/> (accessed 12.08.2024).
10. *Mongolia Not to Allow Future Visit by Dalai Lama* [Electronic resource] // Global-times.cn. — 21.12.2016. — Access mode : <http://www.globaltimes.cn/content/1024836.shtml> (accessed 12.08.2024).
11. *Politbarometer*, Sant Maral Foundation [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.santmaral.org/publications> (accessed 12.08.2024).
12. *Үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал* [Electronic resource]. — Access mode : <https://mfa.gov.mn/trade/61525> (accessed 12.08.2024).
13. *2020 population and housing census of Mongolia*. National report. — Ulaanbaatar : National statistics office of Mongolia, 2020. — 298 p.

Литература

1. *Абаева Л. Л.* Азиатская буддийская конференция за мир» в истории дипломатических взаимоотношений буддийского духовенства России (Бурятии) и Монголии / Л. Л. Абаева // Россия и Монголия в XX—XXI вв. : к 100-летию монгольской революции и установления дипломатических отношений. сб. науч. ст. / науч. ред. В. Н. Пармон, Б. В. Базаров. — Новосибирск : СО РАН, 2021. — С. 50—52.
2. *Аръяабат С.* Новая опасность для буддизма Монголии [Электронный ресурс] / С. Аръяабат // Savetibet.ru. — 27.11.2015. — Режим доступа : <http://savetibet.ru/2015/11/27/mongolia.html> (дата обращения 12.08.2024).
3. *Баттулга Х.* Би Хятадын эсрэг үзэлтэн биш. Харин... [Electronic resource] / Х. Баттулга // iToim.mn. — 10.08.2017. — Access mode : <http://itoim.mn/index.php/site/news/10541> (accessed 12.08.2024).
4. *Ванчикова Ц. П.* Религиозный фактор в современных китайско-монгольских отношениях / Ц. П. Ванчикова, И. Г. Аюшиева // Вестник ЗабГУ. — 2018. — № 2. — С. 59—65. — DOI: 10.21209/2227924520182425965.
5. *Давааням Т.* Монголын бурхны шашны сэргэлт / Т. Давааням // News.mn. [Electronic resource]. — 09.04.2011. — Access mode : <https://news.mn/r/556456> (accessed 12.08.2024).
6. *Догмийчойдон Ш.* Хятад ба Далай ламын хэлэлцээ / Ш. Догмийчойдон // Олон улс судлал. — 2003. — № 4. — Х. 98—102. — DOI: 10.5564/jis.v4i4.2413.
7. *Кузьмин С. Л.* Договор 1913 г. между Монголией и Тибетом : новые данные / С. Л. Кузьмин // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. — 2011. — № 4. — С. 122—128.
8. *Молор-Эрдэнэ С.* Далай-лама как главный производитель «опиума» для монголов [Электронный ресурс] / С. Молор-Эрдэнэ // Molorerdene.academy. — 27.11.2016. — Режим доступа : <http://molorerdene.academy/25/nitem> (дата обращения 12.08.2024).
9. *Мунх-Оргил Ц.* Китайская сторона аннулировала все визиты / Ц. Мунх-Оргил // Монголия сегодня. — 24.11.2016. — С. 5.
10. *Нацагдорж Д.* Энэ бол гадны нөхдүүд Монголын лам нарыг талцуулж, улс төрийн ашиг хонжоо хайх гэсэн явуулга / Д. Нацагдорж // Dnn.mn. [Electronic resource]. — 16.02.2015. — Access mode : <https://dnn.mn/д-нацагдорж-энэ-бол-гадны-нөхдүүд-монголын-лам-нарыг-талцуулж-улс-төрийн-ашиг-хонжоо-хайх-гэсэн-явуулга/> (accessed 12.08.2024).
11. *Островская Е. А.* Состоится ли российский бенефис Далай-ламы XIV? / Е. А. Островская // Вестник аналитики. — 2009. — № 3. — С. 67—74.
12. *Помелова Ю. П.* Религиозная политика КНР по контролю процесса реинкарнации в тибетском буддизме во время председательства Ху Цзиньтао / Ю. П. Помелова // Общество : философия, история, культура. — 2019. — № 2. — С. 53—57. — DOI: 10.24158/fik.2019.2.11.
13. *Родионов В. А.* Демократизация Монголии : внешние факторы / В. А. Родионов // Олон улс судлал (Улан-Батор). — 2013. — № 3. — С. 22—30.
14. *Родионов В. А.* «Мягкая сила» Монголии периода социализма / В. А. Родионов // Власть. — 2023. — № 5. — С. 245—250. — DOI: 10.31171/vlast.v3i5.9825.
15. *Сабиров Р.* Между Дхармасалой и золотой урной : монгольский буддизм в контексте религиозной политики КНР / Р. Сабиров // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2022. — № 40 (2). — С. 105—127. — DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-2-105-127>.
16. *Сабиров Р. Т.* Где «центр» тибетского буддизма в современном мире? / Р. Т. Сабиров // Цырендоржиевские чтения — 2012 (V) : Тибетская цивилизация и кочевые

народы Евразии : кросскультурные контакты / Под ред. О. Огневой, Ю. Завгороднего. — Киев : Полиграфист, 2012. — С. 470—486.

17. *Санждорж З.* Далай лам манай улсын дотоод хэрэгт оролцож байна / З. Санждорж // Dnn.mn. [Electronic resource]. — 17.11.2016. — Access mode : <https://dnn.mn/з-санждорж-далай-лам-манай-улсын-дотоод-хэрэгт-оролцож-байна/> (accessed 12.08.2024).

18. *Скрынникова Т. Д.* Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголии XVI — начала XX века / Т. Д. Скрынникова. — Новосибирск : Наука, 1988. — 104 с.

19. *Сэржав Б.* БНМАУ-ын энх тайвны төлөөлөгчдийн үйл ажиллагаа хоёр орны харилцааны эхлэнд гүйцэтгэсэн үүрэг / Б. Сэржав // Дайны дараах Монгол Японы харилцаан дахь ардын дипломат бодлогын үүрэг : өнгөрсөн, одоо, ирээдүй. — Улаанбаатар : Монгол Япон судлалын нийгэмлэг, 2019. — Рр. 5—23.

20. *Узлайнер Д.* Религия и политика : неразрывный симбиоз? / Д. Узлайнер // Россия в глобальной политике. — 2019. — № 1. — С. 10—23.

21. *Цэдэндамба С.* Пост Зөвлөлтийн нийгэм ба буддын шашны нийгэм : ОХУ, Монгол дахь нийгэм, шашны үйл явц / С. Цэдэндамба. — Улаанбаатар : ШУА-ийн Философийн хүрээлэн, 2017. — 32 х.

22. *Энхбат Ц.* Монголия — не Америка, а Ц, Элбэгдорж — не Трамп [Электронный ресурс] / Ц. Энхбат // Asiarussia.ru. — 20.12.2016. — Режим доступа : <http://asiarussia.ru/blogs/14636/> (дата обращения 12.08.2024).

23. *Dierkes J.* Bullied by China over Visit by the Dalai Lama / J. Dierkes // Blogs.ubc.ca [Electronic resource]. — 21.12.2016. — Access mode : [<http://blogs.ubc.ca/mongolia/2016/hhdl-visits-china-pouts-bullies/>] (accessed 12.08.2024).

24. *Elverskog J.* Two Buddhisms in Contemporary Mongolia / J. Elverskog // Contemporary Buddhism. — 2006. — Vol. 7. — Issue. 1. — Рр. 29—46. — DOI: 10.1080/14639940600877937.

25. *Radchenko S.* How Do You Stand up to China? Ask Mongolia / S. Radchenko // Chinafile.com [Electronic resource]. — 02.12.2016. — Access mode : <http://www.chinafile.com/features/how-do-you-stand-china-ask-mongolia> (accessed 12.08.2024).

*Статья поступила в редакцию 07.09.2024,
одобрена после рецензирования 12.11.2024,
подготовлена к публикации 19.12.2024.*

Material resources

2020 population and housing census of Mongolia. National report. (2020). Ulaanbaatar: National statistics office of Mongolia. 298 p.

Before flying to Japan, the Dalai Lama gave a press conference in Ulaanbaatar. (2016). *Dalailama.com*. 23.11. Available at: <https://ru.dalailama.com/news/2016/meeting-with-the-press-before-returning-to-japan> (accessed 12.08.2024). (In Russ.).

China imposed customs sanctions against Mongolia after the Dalai Lama's visit to Ulaanbaatar. (2016). *Newsru.com*. 01.12. Available at: <http://www.newsru.com/world/01dec2016/mong.html> (accessed 12.08.2024). (In Russ.).

IUSY World Congress' Resolution Reaffirms Tibet as an Independent State. (2008). *Phayul.com*. 29.01. Available at: <http://www.phayul.com/2008/01/29/19151/> (accessed 12.08.2024).

Mongolia Not to Allow Future Visit by Dalai Lama. (2016). *Globaltimes.cn*. 21.12. Available at: <http://www.globaltimes.cn/content/1024836.shtml> (accessed 12.08.2024).



- Mongolian Foreign Trade 2023*. Available at: https://www.1212.mn/mn/statistic/stat-state/573062/table-view/DT_NSO_1400_006V3 (accessed 12.08.2024). (In Mong.).
- National Security Concept*. Available at: <https://mfa.gov.mn/trade/61525> (accessed 12.08.2024). (In Mong.).
- On the relationship between the state and the church*. Available at: <https://legalinfo.mn/mn/detail/485> (accessed 12.08.2024). (In Mong.).
- Photo report: The Dalai Lama met with thousands of believers at a sports complex in the capital of Mongolia. (2016). *centralasia.media*. 22.11. Available at: <https://centralasia.media/print:1345729> (accessed 12.08.2024). (In Russ.).
- Politbarometer*. Sant Maral Foundation. Available at: <https://www.santmaral.org/publications> (accessed 12.08.2024).
- The Constitution of Mongolia (Basic Law) on January 13, 1992*. Available at: <https://worldconstitutions.ru/?p=33> (accessed 12.08.2024). (In Russ.).
- The Constitution of the Mongolian People's Republic (basic law) on November 26, 1924*. Available at: <https://worldconstitutions.ru/?p=549> (accessed 12.08.2024). (In Russ.).
- The Ministry of Foreign Affairs of Mongolia: the visit of the Dalai Lama does not pursue political goals. (2006). *IA "Regnum"*. 22.08. Available at: <http://www.regnum.ru/news/692299.html> (accessed 12.08.2024). (In Russ.).

References

- Abayeva, L. L. (2021). Asian Buddhist Conference for Peace in the history of diplomatic relations between the Buddhist clergy of Russia (Buryatia) and Mongolia. In: *Russia and Mongolia in the XX—XXI centuries: to the 100th anniversary of the Mongolian Revolution and the establishment of diplomatic relations. collection of scientific articles*. Novosibirsk: SB RAS. 50—52. (In Russ.).
- Aryaabat, C. (2015). A new danger for Buddhism in Mongolia. *Savetibet.ru*. 27.11. Available at: <http://savetibet.ru/2015/11/27/mongolia.html> (accessed 12.08.2024). (In Russ.).
- Battulga, H. (2017). I am not anti-China. But... In: *iToim.mn*. 10.08. Available at: <http://itoim.mn/index.php/site/news/10541> (accessed 12.08.2024). (In Mong.).
- Davaanyam, T. (2011). The revival of Mongolian Buddhism. In: *News.mn*. 09.04. Available at: <https://news.mn/r/556456> (accessed 12.08.2024). (In Mong.).
- Dierkes, J. (2016). Bullied by China over Visit by the Dalai Lama. *Blogs.ubc.ca*. 21.12. Available at: [<http://blogs.ubc.ca/mongolia/2016/hhdl-visits-china-pouts-bullies/>] (accessed 12.08.2024).
- Dogmiichoydon, Sh. (2003). China and the Dalai Lama's talks. *International Studies*, 4: 98—102. DOI: 10.5564/jis.v4i4.2413.
- Elverskog, J. (2006). Two Buddhisms in Contemporary Mongolia. *Contemporary Buddhism*, 7 (1): 29—46. DOI: 10.1080/14639940600877937.
- Enkhbat, Ts. (2016). Mongolia is not America, but Central Asia. Elbegdorj is not Trump. *Asiarussia.ru*. 20.12. Available at: <http://asiarussia.ru/blogs/14636/> (accessed 12.08.2024). (In Russ.).
- Kuzmin, S. L. (2011). The Treaty of 1913 between Mongolia and Tibet: new data. *Vostok. Afro-Asian societies: History and modernity*, 4: 122—128. (In Russ.).
- Molor-Erdene, S. (2016). Dalai Lama as the main producer of “opium” for the Mongols. *Molorerdene.academy*. 27.11. Available at: <http://molorerdene.academy/25/nitem> (accessed 08/12/2024). (In Russ.).



- Munh-Orgil, Ts. (2016). The Chinese side canceled all visits. *Mongolia today*. 24.11. P. 5. (In Russ.).
- Natsagdorj, D. (2015). This is a plot by foreign friends to divide Mongolian lamas and seek political gain. In: *Dnn.mn*. 16.02. Available at: <https://dnn.mn/д-нацагдорж-энэ-бол-гадны-нөхдүүд-монголын-лам-нарыг-талцуулж-улс-төрийн-ашиг-хонжоо-хайх-гэсэн-явуулга/> (accessed 12.08.2024). (In Mong.).
- Ostrovskaya, E. A. (2009). Will the Russian benefit of the Dalai Lama XIV take place? *Bulletin of Analytics*, 3: 67—74. (In Russ.).
- Pomelova, Yu. P. (2019). The religious policy of the People's Republic of China to control the process of reincarnation in Tibetan Buddhism during the presidency of Hu Jintao. *Society: philosophy, history, culture*, 2: 53—57. DOI: 10.24158/fik.2019.2.11. (In Russ.).
- Radchenko, S. (2016). How Do You Stand up to China? Ask Mongolia. *Chinafile.com*. 02.12. Available at: <http://www.chinafile.com/features/how-do-you-stand-china-ask-mongolia> (accessed 12.08.2024).
- Rodionov, V. A. (2013). Democratization of Mongolia: external factors. *Olon uls sudlal (Ulaanbaatar)*, 3: 22—30. (In Russ.).
- Rodionov, V. A. (2023). “Soft power” of Mongolia during the period of socialism. *Power*, 5: 245—250. DOI: 10.31171/vlast.v3i1i5.9825. (In Russ.).
- Sabirov, R. (2022). Between Dharmasala and the Golden Urn: Mongolian Buddhism in the context of religious policy of the People's Republic of China. *State, religion, Church in Russia and abroad*, 40 (2): 105—127. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-2-105-127>. (In Russ.).
- Sabirov, R. T. (2012). Where is the “center” of Tibetan Buddhism in the modern world? In: *Tsyrendorjiev Readings — 2012 (V): Tibetan civilization and the nomadic peoples of Eurasia: cross-cultural contacts*. Kiev: Polygraphist. 470—486. (In Russ.).
- Sanjidorj, Z. (2016). The Dalai Lama is participating in our country's internal affairs. In: *Dnn.mn*. 17.11. Available at: <https://dnn.mn/з-санждорж-далай-лам-манай-улсын-дотоод-хэрэгт-оролцож-байна/> (accessed 12.08.2024). (In Mong.).
- Serjav, B. (2019). The role of the peace envoys of the Mongolian People's Republic in the development of bilateral relations. In: *The role of public diplomacy in post-war Mongolian-Japanese relations: past, present, future*. Ulaanbaatar: Mongolian Japanese Studies Association. 5—23. (In Mong.).
- Skrynnikova, T. D. (1988). *The Lamaist Church and the state. Outer Mongolia of the XVI — early XX century*. Novosibirsk: Nauka. 104 p. (In Russ.).
- Tsendendamba, S. (2017). *Post-Soviet society and Buddhist society: social and religious processes in Russia and Mongolia*. Ulaanbaatar: Institute of Philosophy of the Mongolian Academy of Sciences. 32 p. (In Mong.).
- Uzlaner, D. (2019). Religion and politics: an inseparable symbiosis? *Russia in global politics*, 1: 10—23. (In Russ.).
- Vanchikova, Tsp., Ayushieva, I. G. (2018). The religious factor in modern Sino-Mongolian relations. *Bulletin of ZabGU*, 2: 59—65. DOI: 10.21209/2227924520182425965. (In Russ.).

The article was submitted 07.09.2024;
approved after reviewing 12.11.2024;
accepted for publication 19.12.2024.